

Георгий Виноградов

Ч. 48

ДЕТСКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

Издание Восточно-Сибирского
Отдела Русского Географиче-
ского Общества

И Р К У Т С К

1924

Георгий Виноградов.

ДЕТСКИЙ НАРОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ.

(Из очерков по детской этнографии).

«Не только зрелый возраст, но и юность и детство имеют собственную ценность и совсем не могут быть рассматриваемы только, как переходы и мосты».

В истории каждой науки бывают моменты, когда проблемы и вопросы, до сих пор стоявшие в центре внимания, на время как бы затушевываются, отодвигаются на задний план, а на их место выдвигаются и делаются очередными новые проблемы и вопросы. Знает такие моменты и история этнографии. Так, в настоящее время возникает целый ряд частных этнографических вопросов, постановка и разработка которых настойчиво диктуется потребностью дня. Например, встает вопрос о создании центрального этнологического института, ставящего задачей подготовку образованных администраторов для работы среди туземных племен и народов¹. Выдвигаются „новые задачи российской этнографии в полярных областях“² и т. д. Наконец, к этнографическим изучением вынуждена обратиться и современная педагогическая мысль, ставя тем самым перед этнографической наукой новые проблемы и задания. И среди многих новых тем, выдвинутых жизнью на первый план, одно из видных и важных мест занимает изучение детской жизни.

Наша художественная литература издавна уделяла огромное внимание детской психологии и детскому быту. Нужно ли напоминать Толстого с его „Детством“, Тургенева и его „Бежин луг“ и всю эту галерею детских образов, вплоть до Чеховской „Дет-

воры" и "Моего современника" Короленко. Еще более обострен этот интерес к детской жизни и детской психологии в современной литературе. И литература предреволюционной поры и литература наших дней настойчиво обращается к воспроизведению детского мира и переживаний ребенка. "Детство" — Горького, "Жизнь Ивана" — Демидова, "Кстик Летаев" — Андрея Белого, "Младенчество" — Вяч. Иванова, "Детство Люверс" — Гастернака, "Детство Никиты" — А. Толстого и целый ряд других. В связи с этим, быть может, уместно упомянуть и о недавней попытке сибирского беллетриста, Ис. Гольдберга, отобразить в призме переживаний деревенского парнишки события недавних дней партизанской Сибири. Имею в виду рассказ "Человек с ружьем" в сборнике "Закон тайги".

Вслед за художественной литературой большое внимание уделяют вопросам детской жизни психология и лингвистика. Но эти исследования, имея специальные цели и задания, вынуждены оставлять в стороне целый ряд существеннейших сторон детской жизни, и восполнение этих пробелов немислимо без помощи этнографии. Необходимо полное научное содружество в этой области. Оказывая взаимные услуги, две научные дисциплины — психология и этнография — выиграли бы в своих достижениях. Этнография может воспользоваться психологическими объяснениями многих явлений, подлежащих ее изучению³, а в свою очередь изыскания специалистов по детской психологии, надо думать, были бы плодотворнее, если бы опирались на данные этнографии. Школьное строительство (в полном и широком смысле этого слова) не может опираться только на психологические исследования. И в педагогической литературе уже неоднократно высказывалась мысль о необходимости более тесной связи с этнографией. Эта связь особенно остро ощущается в наши дни, когда так настойчиво и властно приковывают к себе внимание вопросы социальной педагогики. Педагогика должна опираться на этнографию.

В самом деле, и в теории и в практике, педагогике неизбежно приходится иметь дело с *детским бытием*. В детских мыслях, утверждениях, привычках, действиях, интересах отражаются те *бытовые пласты*, которые создают общую среду, влияющую на ребенка. Элементарный анализ этого понятия указывает на их совместное одновременное существование, а, следовательно, и на

влияние. Есть пласт—страна, и мы утверждаем это, говоря «русские дети», есть близкий пласт—деревня, город, при чем играет роль центр, окраина, фабрика и т. д. и есть, наконец, семья. Только разобравшись в отражениях этих бытовых пластов на ребенке, мы сможем подойти к его индивидуальности⁴.

«Разобраться в отражениях бытовых пластов»—это значит, сначала распознать, а затем снять наслоения, закрывающие индивидуальность ребенка. Но такая серьезная операция приведет к нужным результатам при условии, если она будет производиться под непосредственным руководством специалистов по быту—этнографов.

Таким образом, выясняется необходимость обратить внимание на достижения этнографических изучений, в частности на изучения детского быта. Ознакомление с накопленными материалами по данному вопросу убеждает нас в том, что, хотя они собраны далеко еще не полно, но все же их достаточно для того, чтобы можно было поставить в прос о выяснении их качества и количества, иными словами—вопрос об упорядочении их.

До сих пор эти материалы имели, в сущности, *запасное* значение, так как собирались не планомерно, случайно, без ясно поставленной цели—«про запас». Теперь пора дать отчет в сделанном, свести к некоторому единству накопленное и, в связи с этим, поставить вопрос о планомерном пополнении пробелов.

При выполнении этой задачи оказывается, что отдельные стороны детской жизни освещены достаточно полно, другие едва затронуты, иные даже не намечены. Больше всего проявлено интереса (не говоря об изучении детского языка) к детским играм, игрушкам и забавам. Здесь мы имеем и довольно солидные материалы, имеем и ряд программ для их изучения⁵. Отчетливо выражен интерес и к детскому фольклору: имеется значительное количество записей, опубликованы программы собраний⁶; в частности, предметом особого внимания делается детская песня—в целях использования ее в педагогической практике⁷. Начинает, наконец, привлекать исследователей—правда, еще не специально, а попутно—и *поэтика* детского словесного творчества⁸.

Как видим, только отдельные вопросы и стороны детской жизни являются предметом изучения. Вся же совокупная, в пол-

ном объеме, область детского быта еще не стала объектом систематического изучения. Те же материалы по детскому быту, которые имеются в научном обороте, не только не охватывают вопроса в его целом, но скорее разрушают это целое, вырывая из него отдельные части и не связывая их в живое единство. Отсюда и недочеты в изучении частей, привлечших к себе внимание наблюдателей. Детские игры, песни и пр. не могут изучаться без знания *общих условий* детской жизни; их следует изучать не вырванными а в условиях реальной обстановки, реальной жизни со всеми ее элементами, во всех ее проявлениях. Детская жизнь—не *содержание и стей*, а *живое единство*. Без грубого нарушения этого единства невозможно оторвать песню от игры, игру от этики и т. д. и т. д. Нужно целостное изучение детского быта. В целях сосредоточения внимания детский быт должен быть *обособлен* при изучении. На такой мысли необходимо остановиться при сколько-нибудь внимательном подходе к делу.

Ценны и интересны признания Кершенштейнера⁹. Изучая художественное творчество детей, он писал: «Мне казалась, будто я путешествую в новой, неизвестной десселе, стране, стране полной бесчисленных красот, в *стране детей*, которые со всей прелестью и обаянием их неподдельной натуры дают все, чем природа их наградила».

Резче подчеркивая высказанную мысль может быть, несколько утрируя ее, мы можем сказать, что эту „новую“, „неизвестную страну“ населяет недолговечное племя, каждый представитель которого живет 12—14 лет. Оно имеет свой жизненный уклад, свою общественность, определенный круг знаний, довольно своеобразный язык, свое искусство. Это племя—наиболее первобытное из всех, изучением которых этнография занимается и должна заниматься; оно очень мало интересуется отношением к нему соседствующих и совместно живущих „народов“, которые мнят себя выше стоящими, более культурными и т. д. Как и всякая народность, племя это испытывает на себе влияние других—и добровольно и вследствие того, что слабосильно—поневоле. Отношение к нему „сильного народа“ целиком напоминает отношение европейцев к народам не европейских культур: „сильный народ“ шлет к нему не всегда понимающих свои задачи просветителей; на этой почве бывали серьезные столкновения (вспомним „каманчей“ и „апахов“), делались грубые вторжения, посылались карательные отряды..

В таком виде, или лучше сказать, в такой форме легче всего представит *обособленность* детского быта. Внимательнее присматриваясь к нему, можно убедиться, что в этой форме мы имеем не утрировку, а лишь подчеркнутость обособленной мысли.

В самом деле. Быт создается различными причинами: среди них значительную роль играет и психика творцов и носителей быта. Не анализируя причин иного порядка, сейчас—имея в виду детский быт—остановимся только на последней. Детская психика имеет много особенностей (потому то и выделена психология детского возраста). Можно сказать а priori, что в силу даже одного этого, быт детей всякого народа будет иметь свои особенности. И здесь говоря о праве детского быта на внимание, быть может, следует напомнить басню о двух зеркалах, которую рассказал Анатолий Франс¹⁰. Дети воспринимают мир и окружающую жизнь таким образом, как это позволяют им их познавательные средства. Искажена ли картина мира и жизни у детей? Она отлична от картины мира взрослого человека, а искажена ли, кто это скажет...

Вывод из этого тот, что детство—его мир и быт—имеют свои особенности, в силу которых должен быть выделен для особого изучения ряд специальных вопросов которые можно объединить термином *детская этнография*. Эти априорные положения подтверждаются фактическими наблюдениями над детской жизнью.

Детский быт не только резко отличается или имеет самобытные черты, но детская жизнь резко обособляется от жизни взрослых.

Есть игры взрослых и есть игры детские; те и другие, имея много общего, разнятся друг от друга настолько, что изучаются порознь. Есть песни детские и есть песни взрослых людей; те и другие, имея общее, разнятся настолько, что их при изучении разделяют. Такое сопоставление можно делать, имея в виду и другие объекты этнографического изучения. В результате детская этнография отмежевывается от этнографии общей.

Конечно, тесной связи между ними отрицать нельзя: «детская этнография, по словам Габнау'а, по большей части верное отражение этнографии взрослых». Но детская этнография—не только *сколок*; она имеет вполне самобытные, не встречающиеся у взрослых, особенности и черты, обуславливаемые совокупностью особенностей детского возраста.

Надо иметь в виду, что и *сколок* с жизни взрослых не есть *копия* последней: дети не так воспринимают художественный образ, как его воспринимают взрослые их представление о мире не тождественно с представлением взрослых. Поэтому детский быт нельзя рассматривать только, как отражение или сколок с жизни взрослых. Он создается не только под влиянием взрослых. Некоторые стороны детского быта вырабатываются— мало того, что независимо от взрослых, но в результате противоборства с взрослыми, как это отмечают чуткие художники-бытописатели. Больше того, если детский мир испытывает на себе влияние мира взрослых, то есть факты, указывающие на обратное влияние: например, детский язык держит под своим влиянием некоторые элементы языка взрослых (слова, прозвища).

Детская жизнь в народной массе имеет особые моменты. Ребята живут и сознают себя обособленным миром. Играют в игры независимо от участия взрослых; учатся играм, наследуя их не от «больших» непосредственно, а от «своего брата», учатся плясать—и спят так не у взрослых, но часто в величайшей тайне от них; познание окружающей природы также далеко не всегда совершается под влиянием и руководством «больших».

Жизнь взрослых в сознании детей связана с их собственной жизнью только в отдельные моменты, напр., большие их бьют, кормят... Взрослые чаще всего—посторонние этой жизни люди, которые иногда даже «мешают». Родители, даже мать, это не столько непосредственно желательные участники детской жизни, сколько «большие маяки» на море детской жизни. Такой отчужденности двух миров соответствует приметная особенность устно-народного творчества: в народной поэзии детям интересующего нас возраста (когда они имеют *свой быт*) очень мало уделяется внимания.

«Дети— не у шубы рукав»...

«Что он понимает—детское дело»...

Правда, в колыбельных песнях говорится о ребятах, но говорится не столько о ребятах в их настоящем, сколько в будущем.

Обособленная многими отличительными чертами, детская жизнь должна, в целях обстоятельного изучения, сделаться отдельной, самостоятельной ветвью этнографической науки. Изу-

чение детского быта достигнет желательных результатов, когда исследователями будут приняты во внимание отличительность и самобытность детского мира.

Не забывая связанности жизни взрослых и жизни детей, мы тем не менее должны в познавательных целях обособить последнюю.

Обособление, как мы видели, не только возможно (материал, подлежащий изучению, легко подвергается такой операции) но неизбежным. Наука возможна благодаря *упрощению* изучаемых явлений: ведь, если не понимать вещи проще, чем они есть, то их, вообще, совсем нельзя понять.

Еще дровод: как во всякой науке, в этнографии весьма желательно применение принципа разделения труда. Практически это не только полезно, но и необходимо: один имеет больше данных, чтобы успешнее подойти к изучению хозяйственной жизни народа, другой—религии, третий—детской жизни и т. д. „Внутри себя“ этнография имеет достаточно мотивов обратить внимание на детский быт.

Этнографы, изучая культуру народных масс, мало интереса проявили к *процессу унаследования* культуры одними поколениями от других, уходящих со сцены. Этнографы имеют мало материалов для суждения, каким путем мы *вступаем во владение* культурным богатством, добытым ранее жившими поколениями. Мы изучаем все явления культуры в том, говоря условно законченном виде, в каком они представляются нам у сошедшего со сцены поколения или у поколения, наследовавшего ему. Остается пустое место, не освещенный вопрос: каким путем происходит это унаследование—передача и принятие.

Различные явления культуры передаются из поколения в поколение при их смене. Полный хозяин достояния прошлого, старшее поколение, готовит себе преемника, которым является новое поколение. Когда, как, при каких обстоятельствах наследник входит во владение?

Когда молодые люди „приходят в возраст“, они уже многое знают из окружающей жизни, многие вопросы жизни ими (или для них разрешены и т. д. Очевидно процесс унаследования (в некоторой, быть может, основной его части) совершился раньше,—в детском возрасте. Нужно изучать этот возраст, чтобы суметь ответить на поставленный в общей форме вопрос.

Понятно, поэтому, что детский возраст имеет вполне самодовлеющее значение. Четкую формулу этой мысли дал знаменитый германский философ поэт, чьи слова поставлены мною в эпиграфе ¹¹.

Может быть, термин *детская этнография* способен возбудить возражения, но едва ли чтонибудь мешает считать его вполне приемлемым в качестве рабочего термина. Он является расширением уже принятого в специальной литературе термина „детский фольклор“. Необходимость в таком расширении чувствуется при всякой попытке наметить программу изучения детской жизни. Можно указать на недавний пример Богораза, который, предлагая программу по изучению детского фольклора, вынужден тут же говорить о фигурах из бичевки на кистях рук, о детских куклах, „хотя они и не относятся к фольклору“ ¹². В этнографической литературе этот термин не является непривычным: им пользуется, напр., Gabnai в своей работе *Ungarische Kinderspiele*.

Пока мы имеем только частичные наблюдения над отдельными сторонами детской жизни; для изучения детского быта в его целом еще не предложено ни методики наблюдений, ни детально разработанных программ собирания материала, ни методов разработки. Да и накопленный материал не приведен в известность, не подвергался оценке. В этом заключается главное препятствие на пути к научной постановке вопроса.

Наиболее полную картину детской жизни мог бы дать обстоятельно составленный неписанный детский календарь. В известных в этнографической литературе народных календарях детский быт буквально тонет, теряется. Будучи выделенным, он открыл бы многие стороны детской жизни. Такой календарь нужен и составление его не представляет невозможной задачи.

Предлагаемый ниже набросок детского народного календаря составлен из материалов, собранных мною в селах и деревнях Тулунского (бывшего Нижнеудинского) уезда, Иркутской губ., главным образом, в Тулуне и его окрестностях. Моей усердной сотрудницей в собирательской работе была Софья Федоровна Гущина. Некоторые из приводимых здесь сведений относятся к Урульге, Забайкальской области (в тексте это оговорено каждый раз особо). Они доставлены мне Е. И. Титовым. Мелодии записаны по моей просьбе в Куйтунской волости (Тулун. у.)

И. С. Хромовских, воспроизведены для настоящего издания Д. А. Болдыревым-Казарином К сожалению, вследствие технических трудностей пришлось ограничиться воспроизведением только небольшого количества нотных записей. М. К. Азадовскому я обязан добрыми советами и ценными указаниями.

Опубликовать календарные сведения *по всему годовому кругу* в данный момент не представляется возможным, как вследствие недостатка места, так и по другим причинам. Поэтому сейчас ограничиваюсь только этим беглым наброском.

Январь. 1-ое число. Еще накануне, 31 декабря, на самом исходе старого года, перед закатом солнца, матери, на вопрос детишек, скоро ли придет новый год и «где он таперичи»¹³, говорят:

— Близко, совсем близко... вон тамо-ка, за лесом уж...
Вот как уснете, он и придет.

-- Скоро уж спать?

— А вот поедим свиные ножки—и спать.

С наступлением глубоких сумерек зажигают в избе огонь. Вытащит мать горшок или «чигунку» из печи, и начнут справлять традиционный Васильев вечер. В Васильев вечер, „накану-[не] “Нового года, за ужином едят вареные свиные ножки. В иных местах в этот вечер варят и овечьи ножки (с. Гадалей и др.). Из длинных косточек ребяты делают «фурфарки», называемые в разных местах неодинаково: фуркалки, фурфалки, жужжалки

Новый год. Ещо заутреня в Новый год не кончитца, а ребятишки—вдвоем али втроем—уж бегают по избам „подсевают“.

Сею—вею посеваю,

С новым годом проздравляю—

Со скотом, с животом,

Со пшеничкой, с овсецом.

Ты, хозяин-мужичек,

Полезай в сундучек,

Доставай пятак—

Нам на орешки,

Вам на патешки.

Здравствуйте, хозяин с хозяйшкой! (с. Шарагул)¹⁴.

Ребятам дают хто копейку, хто две; дают и блин или аладью. Тапери мало бегают, раньше было больше, хошь и не столь, как христославов в Рождество.

В продолжении всех дней до Крещенья „ребятня“ гадает и ворожит, подражая молодятнику.

Креш ш е н ь е (6 о е число). После ирдани, как попы уйдут, устраиваютца (как и в Новый год) конские бега. Десятидвенадцатилетние мальчуганы принимают живейшее и ответственное участие в качестве наездников; об этом хорошо рассказано в работе Е. И. Титова—„Конские бега в Восточном Забайкалье“¹⁵.

После И в а н о в а д н я (7-ое число) „прядут посиденки“, на которых девчонки—непременные участницы „Как оирядем, чай пьем А потом играть примемся всяко: и „в клетки“ и „в уголки“, а то на улице—«в лягушки». Играли в лягушки: рубашонки рукавам на ноги наденем, а у шеи—подвяжем, а то и голову в рубаху же. ну и скачем... А то ноги за уши и отчеть как-нибудь карабкасса, быдто лягушка Другой раз дак и на улицу таким родом выползишь.

В куклы тоже играли. Прежде девчонки как-то долго с куклам играли. Идешь на посиденку, несешь прялку и везешь повозочку с куклам У меня—как сичас помню—чуман был. Веревочку подладишь и везешь“.

До наступления теплых весенних дней продолжают зимние игры. У девочек главным образом, куклы, у мальчиков—уличные забавы.

Предвестницей весны можно считать М а с л е н к у. В общем веселье принимают участие и дети. Катаются с катушки на лотках, санках, телячьих шкурах, вениках, возят друг друга по очереди, катаются и на лошадях. Всё кругом поет—поет и детвора частушечный мотив:

Мы на масленке катались
И наделали беды:
Цыганёнка задавили,
Нам надели кандалы.
Кандалы забрякали,
Мать с отцом заплакали.
Ты не плачь, мать-отец:
Нас погонят, как овец.

Гуляют, обильно угощаются „большие“, усиленно кормят и ребят, говоря: „Мясоедов ушел, скоро придет Киселев“, или: „Мясникова заперли, скоро выпустят Киселева“, намекая тем самым на наступление поста.

В прошонный день в иных местах устраиваются конские бега; мальчуганы нужны в качестве седоков.

Как только появятся первые вёсны лывы, ребята спускают лодочки (обыкновенно из коры тополя), кораблики, бродят по лывам в обуви и босиком. Позже, с появлением первых проталин, детвора, вооруженная топориками, долотами, ножами, идет в ближайший лес *кулунать сесу*, добывать из-под снега бруснику.

Вербно воскресенье. С „большими“ или одни, по их поручению, ребята идут рано утром к церковной службе по вербу. Наиболее интересный момент для них—получение вербы и эссенс—возвращение домой, когда они ею „хвошшут“ друг друга, приговаривая:

Верба крес—

Кверху лезь,

Верба шти —

Кверху расти .. (д. Пьянова)

Или:

Верба хлѣс—

Бьет до слез,

Верба бела—

Бьет за дело,

Верба красна—

Бьет напрасно. (Тулун—поселок):

В е л и к и й ч е т в е р г. Этот день ознаменовывается „стоянием“ „на двенадцати евангелях,“ после которого несут огонь из церкви домой. Выходя с горящими свечами, озорные малчуганы тушат огни у прохожих.

В этот день ребята красят бабки, спуская их в горшок с распаренным луковичным пером или веничным (березовым) листом; красят их и „куксином“ (фуксин), синькой, „сининькой (копировальной) бумажкой“.

П а с к а. „Ребята словно выросли, преобразились. И плохонькие одежонки выглянули новыми и нарядными“¹⁶.

При звоне колоколов ребята высыплют на улицу. Одним из любимейших занятий является в это время *катанье настальным*

яи. Вытаскивают с вышки или с пятер, так называемую „катальницу“ (желобок), выбирают полянку, покрытую прошлогодней сухой травой; устанавливают катальницу на подпорках под некоторым углом к горизонту и начинают катать яйца. Сначала все „раскатывают“ по одному яйцу. По серой травке поползут красные, синие, зеленые, желтые, рябенькие яички—и бесшумно остановятся, „лягут“ по два, по три, поодиночке. Соблюдая очередь, ребята катят затем по второму, по третьему яйцу, стараясь задеть им чье-нибудь яйцо, лежащее на травке. Задеть—значит выиграть чужое яйцо. Счастливый игрок, по правилам игры, может катать до тех пор, пока не „промахнется“. Случается, хоть и редко, что кто-нибудь выигрывает срезку весь первый «загон». Такого игрока на следующий раз уже не принимают в игру, говоря: «Ты опять всё выиграшь, не надо тебя». Играют долго иногда до поздней ночи

Если же нет «каталки», то «стукают» об лоб, с таким уговором: если мое яйцо разбьется, то оно твое, а если нет, то ты свое мне отдашь. Хитрые мальчуганы стараются ударить «носом», (наиболее острым концом яйца), ну а простоватые, бьют чем попало, и чаще всего проигрывают.

В Забайкалье (Урульга) тоже «бьются». Ходят оравы с «битком». В первый день ломают только «носок», во второй — носок и «пугу». Хороший биток можно выбрать из мелких яиц («спаришки»); пробуют, поколачивая о зубы: если звук ровный со всех сторон—биток хороший; бока дребезжат—хуже.

Другим любимым занятием на Паске является «качюля». Ребятишки побольше сами устраивают качюлю, ну а маленькие просят старших: «Повесь качюлю, повесь качюлю». «Весят» обыкновенно под сараем или на воротах и качаются с утра до вечера, распевая:

Раскачайте, разыбайте—
Я скажу вам жениха:
Сане—Кузиньку,
Тане—Витиньку.

Если качается одна девочка (в таком случае она стоит на середине доски), то она поет:

Я качаюсь, нарываюсь—
Мне не надо жениха.

На другой и на третий день Пасхи девочки ходят в гости к подругам «на качюлю» и, веселые, целый день распевают на ней. Бывает, что поют не одну песню, а каждая свою, стараясь не спутаться и не «подтянуть» своей подружке. Получается громкая, визгливая разноголосица—и все заливаются хохотом.

Мальчуганы не столько заняты на качелях, сколько играют в бабки.

Ребята постарше стараются держатся подальше от «мелюзги», «валташатся кала больших», которые привлекают их к участию в своих играх—«собирать бабки»; у них же «большие ребята» покупают и бабки

— Кузька, тащи мне бабок на копейку!

— А сколько?

Кузька до семи считать не умеет. Парень его учит:

— На три пальца клади по две бабки, а на четвертый—одну.

На копейку, стало быть, «три пары (или три гнезда) с бабкой»..

Ребята-«среднюшки», играя сами, стараются привлечь излюбленную компанию «мелюзги», распорядясь ими так же как ими распорядятся старшие.

Большие ребята и «среднюшки» играют в бегову лапту, а «мелюзга» и девочки во «всяк свою ручку», чаще всего отдельно, а иногда соединяются в одну компанию.

В продолжении всей пасхальной недели крестники ходят христосоваться со своим крестным или крестной, несут им крашеные яйца. Те «отдаривают» крестника деньгами «на орехи» или дают «на рубаху».

Родительский день Ребята, обыкновенно мальчики, толкуются у кладбищенских ворот среди нищих в ожидании получить от кого-нибудь «на помин души» крашеное яичко, блин или ложечку «панафицы».

М а й. Деревенская детвора не знает месяцев по названию; исключение сделано для апреля и мая—может быть потому, что чувствует обыкновение 1-го апреля «обманывать»; в этот день говорит: «первый апрель—никому не верь». Название следующего месяца закреплено в детской шутке:'

— Скажи: май.

— Май.

— Я п...у, ты поймай!...

Вскоре после Еремея Запрягальника (1-ое мая) начинается пахота. Ребятишки привлекаются к работе в качестве „шишкарей“. „Большие“ с пашни привозят домой ребятам выпаханные саранки (луковицы лилии). Впрочем, и сами ребята, как только сойдет снег, бегут на пашню или куданибудь поближе с топорами, косарями и капарулями копать саранки (чаще всего—*Lilium Martagon* L)¹⁷.

Пьют березовку, выдалбивая топорами на стволе березы „лунки“. Если береза сочная и березовка скоро накапливается в лунке, хлебают ее чайными ложками; если притекает медленно, то сосут через соломинку. Набирают ее в котелки или чашки, принесенные из дому, и относят родным. Украдкой озорные мальчуганы „портят“ у товарищей лунки, помочившись в них.

Родные, отпуская ребят по березовку, „наказывают“ им, чтобы они не опились ее, иначе у них отнимутся ноги.

Ребята в это время делают свистульки из черемуховых и талиновых (*Salix* ар.) прутиков, и свист стоит целый день в воздухе.

С наступлением дня Матери Елены (21 мая) или немного раньше сеют репу.

Как узнают али увидят ребята, што баба пошла репу сеять, и зачнут петь „репку“:

Уродися, репка,

Ни густа, ни редка,

С мышй хвос(т).

С тараканный нос...

Делается это с целью испортить посев репы. К концу месяца березовка „застывает“. Ребята обдирают кору ножами, сечками (небольшой обломок фарфоровой посуды) и стеклышками и скоблят „сок“. Добывают также лиственичный и сосновый сок. Наевшись досыта, ребята не забывают и родных: в бересте приносят наскобленного соку домой.

В мае, даже раньше, появляются цветы: «подснежники», (пострел, *Pulsatilla patens* Mill.), свинячье молоко или просто—молочко (одуванчики, *Taraxacum officinale* Wigg.), из которых девочки плетут венки и ходят «разряженные» целыми днями

В с. Худоелани ребята, расщипнув стебелек этого растения, берут его в рот и, упираясь кончиком языка в ращипленное место, говорят:

„Бабка, бабка, завей кудри“. По мере повторения этих слов стебелек ращепляется все дальше и дальше, а концы его загибаются спиралью; это и есть просимые *кудри*. Когда «свинячье молоко» отцветет и превратится в «пушёнчик», ребяташки играют в отгадки. Сорвав одуванчик или наклонившись над ним, один другого спрашивает: „петух или курица?“ или: „поп или попадья?“ и дуют на него. Если пушинки от дуновения разлетаются все, это—попадья (или курица); а останется гребешок из пушинок,—поп (или петух). Если спрашиваемый отгадает, то дает „колотушку“ спрашивающему; а не отгадает—сам ее получает. Позднее, в июле и августе, то же самое проделывается с метёлкой.

Цветут медунки (*Pulmonaria mollis* Ledeb). Ребята старательно ищут их и съедают каждый цветок. Корешок тоже очищается и съедается. Предпочитаются голубые цветы, потому что в них, по мнению ребят, больше меду, а в красных, думают они есть отравы.

Цветут черемуха, смородина. Ребята «пробуют» молодые листочки смородины, „цвет“ черемухи.

Появляются пучки или пиканы (*Archangelica decurrens* Ledeb. et *Heracleum barbatum* Ledeb). Ребята целыми днями ходят по пашням и ищут их. Не распустившиеся еще маковки с «семечками» съедают, а из „дудки“ делают брызгалки, которыми обливают прохожих.

В это время—разгар купанья. Отважные мальчишки начали купаться уже в конце апреля. Теперь купаются все. Многие проводят целый день в воде. Замерзнув, выбегают греться на песке или около костра; посидят на корточках, накрыв мокрую спину рубашонкой или штанишками—и снова лезут в воду.

Чтобы избавиться от воды, налившейся в уши, прыгают на одной ноге по берегу и, наклоня голову то в ту, то в другую сторону, и прижимая к уху ладонь руки, приговаривают в такт прыжкам:

Шлюшка, бабка, постигонка,
Дай бох скокнуть --перевыскокнуть.

Или:

Мышка, мышка,
Вылей воду
На свинячью колоду!.. (с. Гадалей).

Устькадинский вариант:

Мышка, мышка,
Вылей воду
Под горячую колоду---
Кóням на болтушку.
Свиньям на кормушку.

Дождей в это время выпадает мало. Каждому дождичку рады „большие“, а за ними и ребята. Как только пойдет дождь, они громко кричат:

Дожджык, дожджык, припусти,
Мы поедем за кусты
Богу молиться,
Кресту (или Христу) поклониться.
У креста (Христа) сирота,
Отворяй ворота,
Ключиком, замочком,
Шелковым платочком... (г. Тулун).

Другая песенка:

Дожджык, дожджык, пушше,
Дам тебе гушши,
Выйду на крылечко,
Дам огуречка..
Дам и хлеба каравай---
Сколько хошь понужай.

Вариант:

Дожджык, дожджык, пушше,
Дам тебе я гушши,
Дам тебе и ложку,
Хлебай понемножку.

Ребята никогда не перестают выполнять различные домашние работы и поручения „больших“. Теперь они кормят подрастающих цыплят и караулят их от ястребов и коршунов. Завидев коршуна, ребята в голос кричат:

Коршын, коршын колесом,
Твои дети за лесом,
Серу кулупаюут.

Нам не дают.. (Пауза; затем, усилив голос):
Мы калачики пикём,
Да имя не даём... (Куйтун, Хаихта, Барлук, Усть Куда).

Вариант: „

Коршын, коршын колесом.
Твои дети за лесом,
Курица—в амбаре,
Петух—на базаре (Тулун-поселок).

Еще:

Коршын, коршын,
Ж... смэршил,
Курицу украл,
Петуха потерял

Некоторые умеют отличать коршунов от ястребов: „коршыны пестрее и у них глаза горят“. Завидя ястреба, кричат:

Ястреб, ястреб яшшычком,
Твои дети горят,
Тебя кричат.
Не таскай цыплят.

Июнь в жизни детворы мало чем отличается от второй половины мая. Ребята заняты щелканьем крупных листьев черемухи, черемши (*Allium victoriale* L).

Из *куколя* (*gittago segetum* Desf) делают куклы для „мелюзги“. Срезают ровненько у сорванного куколя корешок; иголкой боярышника прикрепляют венчик красивого яркого цветка. это—дамская шляпа. Два боковых листа куколя, тоже украшенные цветами,—руки, а остальные три—платье куклы.

Среди мальчуганов распространено мнение, будто в разгар лета воробьи бывают самые жирные; многие убивают их и добывают жир, которым мажут себе penis'ы: „лучше расти будут“.

Часто ребята ловят божьих коровок и, положив на руку распевают:

Божья коровка,
Ты лети на небо,
Принеси нам хлеба.. (Рабочая Слобода в Иркутске).

Или:

Божья коровка,
Ведро-иль ненастье? (Тулун-поселок).

Если жучек полетит—к ведру; если на месте останется—шгоода в ближайшие дни не изменится; если „коровка“ поползет, ненастье будет (из детских примет).

В начале июня ребята бегают в поле и в лес за „свечками“ (молодые побеги сосен), полевым луком (*Allium prostratum* L.) и чесноком.

Начатая весной рыбная ловля (преимущественно „уженье“) продолжается.

В приречных поселках можно наблюдать, как дети, отправляясь „рыбачить“, составляют артели. Одни члены рыболовной артели „загоняют рыбу“, другие удят, третьи—собирают рыбу, „наживляют“ червяка или насекомого. Добычу делят поровну.

Иногда отправляются „рыбачить“ на ночезу (на всю ночь). Заранее накопают червей (при этом считается полезным свистеть—для обеспечения улова), и до начала рыбалки держат их в банке с землею, чтоб не умерли. Девочек с собою не берут, да и, вообще, не любят «с девчонками возиться». Уходят на речку дутра; ночью греются у костра. Озорные мальчуганы часто вытаскивают из морды, поставленной по близости ст места их стоянки, рыбу и выдают ее за свою добычу. Попадется такой рыбак—получает крепкую «здуфку» от хозяина морды или от своего отца. Часто «рыбалка» совмещается с пастьбой лошадей. Чаше рыбалка совершается днем; иногда она связывается с пастьбой коров овец. В деревне Заваль (на Оке, Тулун. у.) ребята проводят дни на приречной лужайке; одни пасут овец и коров, другие удят рыбу, третьи рисуют на береговых скалах кровавиком фигурки птиц змей, человечков ¹⁸.

У девочек своя работа: они заняты поливкой и полотьем в огородах, помогают «ходить за скотом», встречают его из «пасава» и т. д., выполняют обязанности нянек.

Часто, собравшись в кружок на полянке перед домом, девочки няньки и их подружки рассказывают сказки. Кроме тех сказок, которые они знают от старших, они сами создают сказочные образы и целые сказки. К сожалению, на этот материал мало обращено внимания. В моем распоряжении имеются показания, относящиеся к данному вопросу. Вот один из известных мне случаев. В крестьянской семье две девочки—пяти и семи лет; они придумывают и рассказывают сказки *о живых куколках*, которые образуются под землей из закопанных «сечек». При за-

капывании нужно соблюдать тишину и затем все сохранить в тайне; через год появится живая куколка, которая движется и говорит. Иногда живые куколки находятся в бугорках. Чтоб вызвать их на поверхность, увидеть их, нужно потрогать бугорок беленькой палочкой. Девочки верят в существование созданных куколок, сами закапывают в землю «сечки» и ждут...

Играют в клетки, устраивая их около заборов. Клетка отгораживается *скамейками*—досками, положенными на чурбашки. Устраивается *стол* из доски, роль *посуды* играют все те же «сечки», кирпичи делаются *коровами*. Готовят обеды, ходят в гости, делают «кушанки»—печенье из глины, посыпая их семенами белены (*Hyosciamus niger* L), начиняя *мясом*—гнилушками и т. п. Обыкновенно *мясо* покупается в *лавке*. Оббитые в кружок сечки или «китайки» (обертки от «фамильного» чая)—*деньги*, которыми дорожат в особенности. В клетки натаскивается всякая всячина и раскладывается всюду. Старшие, наблюдая это, говорят:

— Ишь, как гуси—линючие осенью: сколь чиво возле их...

Играют в «свадьбы», имитируя отдельные моменты обрядности; *вени* банный ковш и проч.

Кроме игр-импровизаций, в большом употреблении так называемые формальные игры: в городки, в бабки, в бегову лапту и т. д. Это—мальчишеские игры. Девочки играют в них редко и то не самостоятельно, а с парнишками. Охотниц играть бывает немного, потому что подружки, за участие в мальчишеских играх, дают обидное прозвище: «парняшница», «парнишница».

Некоторые «парнячки» игры видоизменяются в зависимости от тех или иных наличных условий. Так и теперь—в разгар лета. Обыкновенная игра—импровизация «в кони» видоизменяется: *кони* теперь питаются *сеном*—хвоей.

Любимым занятием ребят в это время можно считать бега. Урульгинцы, по сообщению Е. И. Титова, точно воспроизводят всю картину конских бегов, при чем роль денег играют обложки кирпичного чая, обертки от конфет.

Не менее часто ребята бегают «в бегава», то есть просто состязаются в беге

В конце июня и в начале июля в огородах поспевают овощи. Ребят в особеннос и привлекает горох, но добывать его приходится хитростью, так как, не говоря уж о том, что его охраняют хозяева, в горохе живет *полудница* (или «колудница болуд-

ница")—старая, лохматая старуха Она ловит ребят, беруших овощи, и давит их. Подходя потихоньку к гряде с горохом, ребята зовут ее:

Колудчица-болудница,
Съешь меня!

По представлению ребят, она не все время находится в огороде. Если при зове ее ничего, внушающего опасения, незаметно, смело идут к гороху. А если покажется „полудница“ или только зашевелится от ветра листья гороха.—стрелой утекают из огорода.

Ребята—сказать попутно—знают, что и подполье не остается без обитателей. Там живут *суседушки-братанушки*—добрые, ласковые зери с серзй пушистой шкуркой; они живут в каждом подполье, являются хозяевами дома и покровителями ребят; там же живут *кким ры*—умершие некрещеными или мертворожденные дети, схороненные в подполье—злые, часто пугающие детей из-под печки или из подполья.

И ю л ь Пospelи ягоды. Детвора целые дни проводит или в лесу и на залежах, собирая клубнику, землянику, смородину, синие ягоды, или голубицу. Едят ягоды до отвалу „таскают“ их домой.

Начинается косьба. Ребята помогают „большим“ на покосе: варят обед, помогают грести сено.

Многие начинают (с 10;11 лет) косить.

Работа—не всегда привлекательное времяпрепровождение. Любимое занятие—кувырканье в сене. В промежутке между уродами ребята ищут грибы и ягоды, ловят лягушек, с которыми проделывают всякие штуки: надувают их через задний проход, пока те не лопнут, отыскивают птичьи гнезда, за которыми охотятся, впрочем, все лето, берут из них яйца, птенцов и забавляются ими.

С И л ь н а, дня, 20 ч ю л я, рекомендуется бросать купанье но обыкновенно ребята купаются значительно дольше. В течение всего периода купанья, *едят блины*, т. е. бросают плитки или камни, стараясь, чтобы брошенная плитка или камень, задевая „вершухи“ волн, „чикали“ по ним. Каждый всплеск воды на гребне волны—*блин*.

В конце этого месяца в описываемой местности настает дождливый период. Когда дождь „зарядит“ надолго, ребята по

по избам и шалашам начинают скучать. Выйдут на двор и поют (вернее сказать: хором кричат) общераспространенную песню.

Дождик, дождик перестань,

Мы поедим на расстань

(в варианте: за растань) ..

Напев и конец те-же что у выше приведенной песни.

Обращаются к солнцу:

Солнышко, солнышко,

Выгляни в окошечко—

Дам тебе веретешечко,

Насыплю горошечка.

Наступают дождливые дни поспевают грибы. Дети бегают по лесу, в поисках за ними. Жарят грибы на кострах, некоторые например, синявки съедаются сырыми. Помогают «большим» запасать грибы на зиму.

Август. Начинается жатва. Дети и здесь помогают, чем могут: носят воду жнецам, свозят снопы домой или в кладви и т. д. Поспевает картошка. Урвав свободную минуту, бегут на картофельное поле отыскивают *балаболки* (плод картофеля), из которых делают игрушки. В балаболку втыкают перышко и пускают по воздуху. Забава старинная. В показаниях стариков встречаются такие заметки: «интересовались пошто-то голубинным перышком: залезешь на пятры (там голуби жили), а то на лету где потеряют голубок перышко—возьмем» ..

Конец лета, начало осени. Приметные календарные даты для основных работ этого времени—Иваны Гнуты (29 августа) и Семены Нохтодун (1 сентября) ²⁰ Уборка овощей из огородов, с полей; ребята здесь незаменимые помощники.

В течении всего лета мальчуганы занимаются ловлей птиц,—главным образом, воробьев и голубей. Теперь это занятие—в центре внимания. Способы ловли очень несложны: берется ящик, лукошко, таз, сито, ставится одним краем на подставку, к которой привязана длинная веревочка, проведенная куда-нибудь за угол, чтобы можно было за ним спрятаться наблюдателю. Ловушка „настораживается“ дном кверху. Под нее насыпается овес, ячмень и т. п. Птички налетают под ловушку. Подставка выдерживается. Дело остается только затем, чтобы умело взять пойманных птиц в руки. Устройство клетки несколько сложнее. На небольшой доске укрепляются четыре колышка, в которые упи-

раются расщепленными концами палочки, образуя четырехстенную клетку. Сверху клетка прикрывается, но не плотно, досечкой, поставленной на легко вылетающую подставку. На подставку прикрепляют приманки—различные для каждого вида птиц: напр., синички „идут“ на сало, зяблики—на хлеб и т. д. Влетит птичка под приподнятую доску, дернет приманку, уронит и подставку—и готово: доска заперет клетку.

Осенью жизнь ребят едва ли не самая бесцветная. Работ становится меньше (шишкарки отборонились в конце лега, картшки, капуста убраны). Идет молотьба. Парнишкам да и девочкам и тут работа находится: они гоняют лошадей, подтаскивают снопы и пр. В лес ходят только за бояркой и черемухой—да и то редко и не везде; другие ягоды уже выбраны. Обычно стоит ненастье. Изредка „провертываются“ ясные дни; детвора высыпает на улицу—„провожает лето“. Многие идут в школу (в училищу) — обыкновенно с Покрова (1 октября).

Наконец, зима. Зимние игры и забавы заметно отличаются от летних. Далеко от дому ребята не забираются, проводят время на улице и во дворах. Облежится снег, установится зимняя дорога—ребята обзаводятся санками или лотками.

Гоношат „каки-нибудь некорысны“ коньки, употребляя на них все свое умение, и катаются целыми днями. Играют большую часть в формальные игры: ключку, говяж и т. д. Делают катушку. Играют в снежки или просто толкают друг друга в снег, стараясь получше „сняться“, т. е. получить лучший отпечаток на снегу; закапывают друг друга в снег. Катают в санках друг друга по очереди, возят младших.

Девочки проводят время больше дома. Играют в куклы, устраивают им дома; укачивая их, поют:

Вот увидели кота
Два солдата из окна,
Оне хлопнули окном,
Побежали за котом.
Кот от видит, что беда,
Ему деться некуда,
Он к Маше под кровать
Маша ходит—уныват
Да котишку закрыват.

Поется на мотив колыбельной песни

Играют в камешки. Рассказывают сказки. Те сказки-импровизации, о которых я говорил, продолжают и теперь, только в них включаются изменения: живые куколки живут уже под вигном и вечерами выходят кататься на маленьких санках. Те же девочки: пятилетка и семилетка, рассказывают свои сказки о *Латке*. Она—голубоглазая не то девочка, не то женщина—злой дух девочек, мешающая им хорошо делать игрушки и пр. Собираются вечерами около „огонька“ (около топящейся печки, горячей лучины или лампы) шутки шутить, сказки сказывать петь песни...

Ребята делают „балалайки из доски, натягивая на нее „суровые нитки“; играют и напевают:

Трымка, трымка, балалайка,
Не моя жена Паранька,
Моя—Настенька,
Распузатенька,
По печурке лазила.
Титьки сажей мазала

Вариант:

Тринди, бринди балалайка,
Не жена моя Паранька,
Моя—Настенька,
Распузастенька.
В трубу лазила,
Титьки мазала,
Выходила за ворота,
Всем псказывала,
Побежала за реку,
Показала старику

Иногда устраиваются своеобразные концерты, в которых роль барабанов выполняет заслонка, а другие музыкальные инструменты заменяются гребешками; если нет гребней—лучинками. „Наяриваются“ плясовые мотивы. Мелодия плясовой песенки несложна. В этих концертах даже маленькие ребяташки выказывают умение „подголашивать“ (вторить).

Под такую музыку находятся желающие плясать. Танец маленьких ребят счень прост: они или подпрыгивают или, переминаясь с ноги на ногу, речитативом повторяют песенку импровизацию:

Тятке мамке не скажу,
Что жениться я хочу.

Или:

Гирька пала, гирька пала—
Не пойду я замуж.

В разгар веселья ребята поют:

Дуй, дуй. Дунька,
Поддувай, Акулька!
Ты не будешь поддувать,
Тебя мать будет ругать...

Ребятишки постарше умеют плясать „казачка“, „русского“. Некоторые девчурки знают „кадрель“.

Танцам ребята учатся обыкновенно во время гулянок взрослых, а затем, в большой тайне от них, они упражняются наедине. Чтобы научиться плясать, нужно *одной* плясать—или в черной бане, или во хлеве. Когда во хлеве пляшешь, то нужно петь:

Дедушка сарай,
Научи меня плясать!
Здесь никто меня не видит,
Однѣ овцы глядят.

Вдвоем нельзя плясать, а то толку не будет.

Декабрь. Перед наступлением святок, примерно после Спиридона Солноворота (12 декабря), дети объединяются в немногочисленные артели „христославов“ или славельщиков. Собираются в избе, в зимовье или бане у кого-нибудь из участников артели, спеваются. С наступлением праздника, с раннего утра, как только в церкви на утрени запоют тропарь праздника, ребята бегут „христославить“. Придут в избу, спросят, можно ли «Христа прославить» и поют известную рождественскую песнь. Отдельные места ее неграмотные ребята переиначивают; напр. вместо: «земля вертеп неприступному приносит» поют: «земля вертепному преступному приносит», или вместо «волси же со звездою путешествуют»—поют: «волки со звездою патишествуют»; или поют: «в неби звездам служашшыи»... вместо: «в нем бо звездам» и т. д.

Кончают обыкновенно припевом:

Не дадите пятака—
Мы корову за рога,

Не дадите гривну—

Мы коня за гриву. ²⁰

Иногда поются такие припевы:

Славите, славите,

Сами, люди, знаете—

Я пришел к вам не так,

Дайте мне пятак.

Или:

Маленький вьюнчик,

Сел на стульчик,

В дудочку играет,

Христа прославляет.

Еще:

Были мы в городе,

Видели чудо великое.

Ангелы запели,

Апостолы загремели.

Мы этого чуда испугались,

До вашего дому едва добрались.

Подайте же—большим на орехи,

А маленьким—на потехи.

Наиболее организованные группы ходят со звездой.

Нередко интересы двух или нескольких артелей скрещиваются: возникает, напр., вопрос: кому вперед отславить в таком доме?. В больших селах—из за территории, из-за улицы. Происходят схватки. Каждая артель поэтому заинтересована в том, чтобы в числе участников иметь кого-нибудь посильнее. Условия, на которых участники входят в артель, не всегда одинаковы, особенно в пункте, предусматривающем делёжку «высланного». То же самое можно сказать об артелях «славельщиков, которые в Новый год ходят по избам и «сеют».

Подают деньги, подают и печенье, блины. Не все охотно принимают блины. Озорники, выйдя из избы, кладут на дверную скобку полученный блин. Его подхватывают собаки «до крови обрывая языки о холодное железо...

Игры на святках отличаются от игр остального времени. Куклы, веретешки убираются, потому что во время святок по земле бегают *шумюканы*. Это—очень веселые чертенята. Они утаскивают у ребят куклы, веретешки и пр., могут задавить ре

бятишек, особенно если те будут подшибать ногой шевяки, за которыми шулюканы прячутся (они очень малы ростом), или поздно вечером ходить по деревне.

Ребята «машкаруются» подобно взрослым. Парни и девки «мелюзгу» с собою не берут. В больших населенных пунктах, как Тулун, взрослые идут в «собрание»; мальчуганы пробираются туда же и от скуки там хулиганят, а потом воспевают свои похождения в песенке, которую откуда то «подхватили» на годах:

Наш товарищ был Егорка,
Купил билет на галерку.
Весело было нам (2 раза; повторяется после каждой двух строчек).

Первым делом на галерке
Закурили мы махорки
Мы с галерки полетели,
Лаптем бараню задели.
В каталашку нас погнали,
Только лапти засвирькали...
В каталашку посадили,
Трое суток не кормили.
Трое суток не кормили,
Да по двадцать пять вкатили.
Нам по двадцать пять вкатили
И в больницу положили
Нас в больницу положили.
Калачами нас кормили.
Калачами нас кормили
И на волю отпустили.

Пспрежнему катаются с катушек и на коньках. Дома играют в лягушки, бирюльки, поют песни, рассказывают сказки импровизируют, творят сказачные образы. Показывают и зарисовывают («зачерчивают») теневые фигуры; получают коровы, зэйцы, кони, мельницы и др; завязывают мудреные узлы, предлагая их развязать. Говорят «частоговорки» вроде таких.

Туп. туп тупоуб,
У быка губа тупа

Колпак на колпаке,
Поль-колпака гороху.

Рыла свинья тупорыла.
Вырыла из под рыла,
Вырыла крынку молока,
Поставила возле старика.

Загадываются загадки:

В небо дыра, в землю дыра посредине огонь, по бокам вода (отгадка: самсвар).

Без окон, без дверей полна горница людей (отгадка: огурец),

Стоят вилы, на вилах—мешок, на мешке телега, на телеге привешены грабли, на телеге—мост, на мосту—земля, на земле—лес, а в лесу свиньи роются (отгадка: человек).

Вечер обыкновенно заканчивается какой-нибудь размолвкой. Утомившись загадками, пляской, песнями, кто-нибудь предложит сказку про белого бычка.

Начинающий спрашивает у соседа, «Рассказать тебе сказочку про белого бычка?»—«Ну, расскажи!» согласится кто-нибудь. Тут начинается мучение: что бы ни сказал согласившийся послушать эту сказку, искуситель повторяет его слова. Даже молчание не освобождает беднягу от назойливости рассказчика. «Ты молчишь, я молчу. Рассказать тебе сказочку про беленького бычка?» Только „заклик“ взрослых кладет конец этой шутке.

Даже этот, поневоле краткий и поверхностно выполненный, набросок детского народного календаря определяет характер материалов, которые надлежит собрать и изучить.

Всякое этнографическое явление должно изучаться в его природных условиях: вопль при похоронах, украшение с одеждой или убранством, песня—при соответствующей обстановке—словом, наблюдение, констатирование и передача в записи или рисунке должны согласоваться с принципом, который укладывается в народную формулировку: «красна сосна, где выросла»...

Этнограф наблюдает жизнь детей в их „натуральной» обстановке, в большой или малой группе—в массе. Целью поисков этнографа служит, выражаясь языком биологов, «чистая культура»: он дорожит сведениями, получаемыми от людей, которые менее всего испытали на себе сторонние влияния (в программах этнографических изучений почти всегда рекомендуется обращаться преимущественно к людям неграмотным). Углубляя наши требования в этом направлении, мы естественно обращаем

ся к источнику, быть может и менее богатому содержанием, зато наиболее чистому, беспримесному. Обращаясь к изучению детского быта с целью выяснить общие вопросы этнографии (напр., вопрос об унаследовании культурных накоплений из поколения в поколение о вращении детворы в обстановку и быт взрослых, мы имеем в виду, что факты и явления детской жизни во многих случаях менее заслонены, проще, *обнаженные*. Эта обнаженность этнографических явлений особенно ярка в жизни детей, не обремененных школьной эрудицией. Это же обстоятельство надо иметь в виду при специальном изучении детской жизни. Исследователю, занятому, подобно Кершенштейнеру, изучением детского рисунка, интересующемуся, в частности, вопросом: „как развивается у необученного ребенка способность графического выражения?“²¹, большую услугу оказали бы наблюдения этнографов; в их распоряжении должны иметься материалы, образцом которых могут служить рисунки на скалах ребятишек из д. Завали, о которых уже было упоминание.

При *этнографическом* изучении детского быта мы имеем дело почти всегда (едва ли не чаще, чем при экспериментировании) с несомненной «духовной собственностью» детей.

При изучении детского возраста этнограф фиксирует то, что дети непринужденно свидетельствуют *сами о себе*. Сообщенные здесь отрывочные календарные данные дают возможность судить, какие культурные накопления делаются детьми при прохождении годового цикла повседневных событий, каким опытом они обогащаются в продолжении одного года.

Сделав попытку мысленно охватить по возможности все стороны детской жизни путем составления беглого наброска календаря, мы имели возможность подчеркнуть наиболее заметные элементы детского быта.

Раньше всего обращают на себя внимание детские *песенки*, приурочиваемые к тому или иному случаю, затем песенки *плясовые, колыбельные*, песенки импровизации, затем—исполнение их, наигрывание мотива и т. д. Здесь переплетаются вопросы изучения детского *фольклора* (в узком значении слова) и детского *музыкального творчества*: построить ткань звучаний, интонировать звучания—это и есть музыкальное творчество²². Приводимые здесь *скороговорки, приметы*, упоминаемые *загадки* и т. д. допол-

няют фольклорный материал и ставят на очередь разработку детской поэтики.

Называемые здесь *игры* основываются на *этических воззрениях* участников, выполняются при соблюдении *уговора* (игры импровизации) или *правил* (так наз. формальные игры)—этих неписанных законов, к которым с уважением относятся и люди взрослые. Здесь мы входим в область вопросов, связанных с изучением *норм обычного права*. Не только игры, но и кратко отмеченные в статье организации детских *артелей* (рыболовы, христославы и пр.) говорят о необходимости ставить вопрос об изучении *общественной жизни и правового быта* детей.

Участие в сезонных работах взрослых, многие из игр-импровизаций и другие обстоятельства сталкивают детей с многими явлениями и вещами в природе; в результате получается непрерывное накопление *знаний окружающего мира*. У детей наблюдаем попытки классифицировать наблюдаемых насекомых, растения, птиц. Произвести в известность эти эмпирическим путем полученные знания—задача, произвести которую очень полезно в теоретических и особенно практических целях.

Инвентарь детского внешнего быта содержит *архитектурные* сооружения (дома, церкви), *скульптурные* изображения (деревянные куклы, животные из глины, некоторые виды „кушанок“ и пр.), *музыкальные инструменты* („досчатая“ балалайка, дудочки); это заставляет нас говорить о *детском искусстве*. Сюда надо прибавить детские рисунки, какие наблюдаем, напр., на Скорописном камне, рисунки, являющиеся несомненной „духовной собственностью“ завальских художников-„пастушишек“.

Поверхностно обрисованные здесь образы полудницы, кикиморы, шулюканов, должны обратить внимание на *детскую мифологию*. Какое-то значение в унаследовании мифологических образов должны оказать раньше всего колыбельные песни. Материнская поэзия говорит о буке, *старике Бабае*; ими же пугают ребят и после. Позже под различными влияниями создаются названные выше образы и одновременно вырастают образы *лисички*, которая посылает ребятам покрытые плесенью корочки хлеба, *лесною*, который уводит ребят. Это—образы демонологии взрослых, но здесь они—в детском предомлении. Они слагаются, когда приводятся к некоторому единству культурное наследие, полученное от взрослых (по своему, в согласии с детским мыш-

лением переработанное) и накопленные детские восприятия мира. Здесь нужно обратить внимание на *индивидуальное мифотворение* детей.

Неясно воспринятый образ они дорисовывают (вспомним, что Владимира Соловьева деревенская детвора сочла за „боженьку“). Они не только воспринимают и дорисовывают образы но и сами создают их (вспомним детские *genius loci*, затем Лятку и „живых куколок“, о которых упоминается в этой статье).

Дети умеют не только создать свой или дорисовать данный образ; они—поверим Льву Толстому²³—умеют облечь созданные образы в художественную форму.

Набросок календаря содержит немало обиходных слов и более или менее специальных обозначений, известных только детям (об условном языке не говорю), термины в порядках и правилах игр. Это наталкивает на мысль о составлении *детского словаря* той или другой местности. Вообще помощь, которую этнограф может оказать лингвисту в изучении детского языка, была бы весьма желательной.

Таким образом определяется в самых общих чертах *объем и содержание понятия детской этнографии*, намечается программа *этнографического изучения детства* и темы очередных очерков.

П Р И М Е Ч А Н И Я .

¹ П Островских.—Охрана первобытных племен в связи с поднятием экономической жизни окраин. «Жизнь национальностей» 1922, № 6 (135).

² Под таким названием напечатал небольшую статью В. Г. Богораз П. 1921.

³ На возможность взаимных услуг этнографических изучений и исследований психического мира детей этнографы уже обратили внимание См. между прочим, рецензию В. Н. Харузиной на книгу Révész 'a—Rassen, gund eisteskrankheit. Этнографич. Обзорение 1907, стр. 98—101.

⁴ С. Т. Шацкий—Школа для детей или дети для школы. «На путях к новой школе» 1922, № 3, стр. 29.

⁵ Укажу в порядке опубликования: 1) Вл. Богданов—К изучению игрушки. Программные заметки. Этнограф. Обзорен. 1912, № 1—2, стр. 222—229. 2) О. П. Семенова-Тянь-Шанская—Программа сообщения сведений о быте крестьян (в очерках, напечатанных под заглавием «Жизнь Ивана»). Записки Р. Г. О. по отделению этнографии, т. XXXIX, 1914, стр. 119 и след. К сожалению, программа эта, охватывающая многие стороны детской жизни, осталась незаконченной и опубликована в наброске. 3) А. Мелков—Несколько указаний для собирания детских народных игр. Живая Старина 1916, приложение № 6, стр. 0103—0103; 4) Н. А. Мелкова—в статье «Игры киргиз», стр. 44—45. Труды Оренбургского Общества изучения Киргизского края, вып. 1, 1921; 5) Программа изучения кукол (по статье Холла). Л. Оршанский—«Игрушки», М. П. 1923, стр. 150—155.

Для полноты списка более или менее разработанных программ укажу свою небольшую работу—«К изучению народных детских игр у бурят». Иркутск, 1922.

⁶ Тянь-Богораз—Программа наблюдений над бытом местного населения. «Сборник программ школьных наблюдений над природой». П. 1922; стр. 123—126 и сл.

⁷ Кроме нескольких сборников, указываемых А. Финагиным в «Русской песне», П. 1923, назову Я. Мексина, который составил, под редакцией А. Е. Грузинского, сборник для детей младшего возраста—«Русские народные песни». М. 1919. В 1923 г. этот изборник вышел вторым изданием. Покойный Н. А. Янчук составил для детей (к сожалению, до сих пор не вышедший из печати) обширный сборник русских народных песен (тексты и мелодии).

⁸ Имею в виду книжку Р. Якобсона—Новейшая русская поэзия. 1291.

⁹ Развитие художественного творчества ребенка. М. 1914, стр. 14—15.

¹⁰ «Книги и люди», М. П., 1923, стр. 51—52.

¹¹ Menschliches, Allzumenschliches. I. Aphor. 207.

¹² См. уже названную программу Богораз, стр. 126.

¹³ Передача особенностей местного говора в настоящей статье проведена далеко не безукоризненно. Интересующихся этой стороной моих записей отсылаю к работе Виноградова и Черных—«Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губернии», изд. Иркутского Научного Музея Иркутск, 1924. Там читатель найдет и объяснение местных и малоупотребительных слов.

¹⁴ Вариант приводится в моих «Материалах для народного календаря» (Иркутск, 1918), стр. 6. Из них делаю здесь, в этой статье, некоторые заимствования. См. также примечание 20-е.

¹⁵ Сибирская Живая Старина, вып. II, 1924.

¹⁶ «Пруд» Алексея Ремизова. Пятая глава первой части этого произведения натолкнула меня на мысль собрать материалы по детскому народному календарю.

17 В Забайкалье это происходит, по словам поэта-сибиряка, ранней осенью. В. Михеев—Песни о Сибири (М. 1884), стихотворение «На ургонах».

18 О Скорописном Камне (д. Заваль) см. в «Этногр. Бюллет.» В.-Сиб. Отд. Р.Г.О. 1923, № 3, стр. 16—17.

19 Эти два обозначения календарных дат записаны в Кежме на Ангаре.

20 Этот же припевок исполняется и при новогоднем «подсевании».

21 Кершенштейнер—назв. сочинение, стр. 8.

22 Финаги—назв. соч., стр. 68.

23 Педагогические статьи. «Кому у кого учиться писать» etc.

П Р И Л О Ж Е Н И Е.

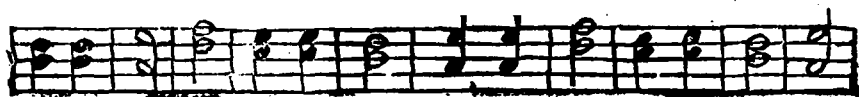
Образцы детских мелодий.

1. Дождик, припусти.

Громко.

Дож-жик, дож-жик, при-пус-ти, мы па — е — дем

за ку — сты, Бо — гу ма — лит — ца, Хри — сту па кла — нит — ца,

у Хри — ста — то си — ра — та от — ва — ря — ла ва — ра — та ключ —

кам, за — моч — кам, шёл-ка — вым пла-точ — кам, а-линь-ким сзй-точ — кам.

2. Коршун.

Громко.

Кор-шын, кор-шын ка-ли — сом, тва — и

де-ти за ли-сом се-ру ку-лу-па — ют, нам ни да-

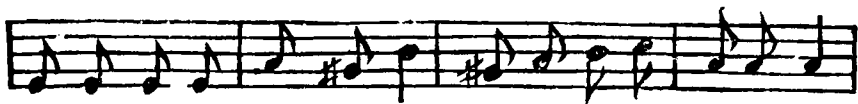
ют. Мы ка-ла-чи-ки и — дим, а и — мя ни да — дим

3. Колыбельная.

Медленно, тихо.

Ба — ю ба — юш — ки ба — ю, ба — ю ди — тит — ку ма — ю.

Ба-- ю ба--юш --ки ба-- ю, ка--ла--ту--шак на--да-- ю,

ка--ла--ту-- шак два-- дцать пять, бу--дит Ка--тя креп--ка спать.

Ба -- -- ю бай, па-- ди, бу--ка, на са-- рай.
